

ОБЩАЯ ЭТНОГРАФИЯ

© 1990 г.

И. И. Крупник. Арктическая этноэкология. Модели традиционного природопользования морских охотников и оленеводов Северной Евразии. М., 1989. 271 с., 28 табл. в тексте.

Книга И. И. Крупника — одно из первых в отечественной науке этноэкологических исследований. Монография посвящена проблемам исторического развития, структуры и типологии этноэкосистем Арктики и привлекает необычностью подхода, многообразием проблем и методов исследования. Об этом можно судить уже по главе 1, где автор разрабатывает новый понятийный аппарат и предлагает собственную методологическую концепцию этноэкологического исследования.

Для изучения различных типов этноэкосистем Арктики автор систематизирует результаты палеоклиматологических исследований и реконструирует особенности динамики среды обитания, анализирует систему расположения поселений, промысловых и хозяйственных угодий, их общую площадь и биологическую продуктивность важнейших природных ресурсов. Исследуются различные аспекты социальной и демографической структуры хозяйственного коллектива, производственный цикл, производственно-бытовой инвентарь, объем добытых ресурсов, их распределение и потребление, проводится столь необходимый для понимания традиционных форм природопользования балансовый анализ жизнеобеспечения различных типов этноэкосистем.

Введение в научный оборот уникальных демографических данных по азиатским эскимосам позволило И. И. Крупнику создать достоверную демографическую модель хозяйственных общин охотников на морского зверя. Как известно, надежных статистических данных по традиционной демографии арктических народов, в особенности тех, для которых не велись метрические или ясные записи, у нас нет. Для получения таких данных остается единственный способ — сбор многопоколенных генеалогий. Результаты анализа эскимосских генеалогий развенчивают сложившиеся в начале XX в. представления об аборигенах Арктики как о народах с низкой плодородностью, постоянно низким естественным приростом и тенденцией к вымиранию. Азиатские эскимосы, по генеалогическим данным, в конце XIX — начале XX в. имели средний и высокий уровень плодородности и прироста населения, что позволило И. И. Крупнику сделать вывод о высокой потенциальной способности обществ охотников на морского зверя к быстрому росту в благоприятных условиях. Такой рост давал им возможность быстро восстанавливать численность, преодолевать последствия голодовок, эпидемий и случаев массовой гибели от несчастных случаев.

Направленная на расширенное воспроизводство модель демографического поведения народов Арктики связывается автором с обнаруженной им у этих народов практикой интенсивного использования природных ресурсов. Оба эти фактора являются необходимыми элементами арктических этноэкосистем, обеспечивающих выживание человеческих коллективов в условиях большой зависимости от колебаний природной среды. Осознание и культурная адаптация к этой ситуации находит отражение в «охранительном» по отношению к природе ритуализированном мировоззрении и связанных с ним обычаях «умиловивления» и «благодарения», которые снимают напряженность разрыва между практикой аборигенного природопользования и его идеологией.

Анализ приморских систем жизнеобеспечения с использованием вышеперечисленных методов и интерпретаций в их свете известных археологических данных позволил автору уверенно очертить зону распространения этой формы природопользования (охоты на морского зверя), охватив не только традиционно рассматриваемый в этой связи ареал побережья Северо-Восточной Азии, но и Западную Арктику, где автор проследил историю развития и угасания оседлой приморской традиции, а также ее реминисценции у ненцев и саамов в конце «малого ледникового периода» в XIX — начале XX в.

Совокупный анализ элементов природной среды и системы жизнеобеспечения позволил И. И. Крупнику по-новому взглянуть на известные исторические факты — например, стремительное развитие крупнотадного оленеводства и численный рост оленеводческого населения в Арктике в XVIII — начале XIX в. Во-первых, стало очевидно, что не только благоприятные социально-экономические условия стали причиной быстрой смены одной формы традиционного природопользования (присваивающее хозяйство мобильных охотников-рыболовов с транспортным оленеводством) другой (производящее высокоспециализированное крупнотадное оленеводство). Значительное влияние на темпы и формы столь кардинальной смены способов природопользования оказали

возникшие в то время климатические условия и сопутствующие изменения природной обстановки. Во-вторых, анализ динамики демографической структуры оленеводческого населения (высокая плодovitость, четырехкратное увеличение численности тундровых оленеводов — ненцев и чукчей со второй половины XVIII к первой половине XIX в.) и многообразие известных к началу XX в. этнических и региональных форм тундрового оленеводства показали пластичность, способность к быстрым изменениям этой хозяйственно-экологической модели адаптации, что заставляет пересмотреть представление о «застывании» традиционных форм хозяйства народов Севера, замедлении темпов их исторического развития.

Параллельное изучение климатических и биоресурсных изменений в Арктике, с одной стороны, и развития и смены арктических культур — с другой, привели И. И. Крупника к выводу, что климатические колебания с высокой амплитудой в Арктике способствовали «выработке особой стратегии природопользования, которая заключалась в параллельном развитии двух (или нескольких) моделей жизнеобеспечения с противофазной реакцией на изменение условий существования. Любые экологические сдвиги оказывались неблагоприятными для одной из этих моделей, но одновременно резко повышали продуктивность другой... Историю природопользования аборигенов Арктики мы можем представить как постоянный „перелив“ населения из кочевой формы жизнеобеспечения к оседлой, т. е. от охоты и оленеводства к морскому промыслу или рыболовству и обратно в зависимости от конкретной динамики экологической или социальной обстановки» (с. 186, 187).

Этот фундаментальный вывод автора заслуживает особого внимания не только этнографов, но и географов. Любопытно отметить сходство тезиса И. И. Крупника о «переключениях» типов хозяйства с концепцией акад. А. М. Обухова о «переключениях» погодных процессов как следствия нелинейности климатической системы, имеющей, следовательно, не единственное устойчивое решение. По-видимому, существует глубокая аналогия климатических и социальных систем как сложных «многоуровнево-нелинейных» систем с узловыми точками ветвления, где малое возмущение способно направить процесс по новому пути, а затухание способно вернуть его на «брошенные» рельсы.

Автор удачно обобщил имеющуюся палеоклиматологическую и палеоэкологическую литературу по Северу. Основные выделенные им климатические эпохи описаны верно и данные о них с основанием используются для палеоэтнологических выводов. В некоторых случаях «климатические» аргументы автора могут быть усилены. Так, отмечая неблагоприятность теплых эпох для оленеводства (с. 151), он мог бы добавить и такой факт, что в Арктике теплые периоды характеризовались повышенной влажностью, вследствие чего к вредному для оленей теплом у лету добавлялись зимы с большим снежным покровом, гололедицами, затруднявшими доступ к ягелю. В то же время недостаточно критическое использование климатологической литературы приводит автора к выводу о существовании правильных (регулярных) климатических циклов. В действительности такой вывод у климатологов был априорным, основанным на представлениях об астрономических факторах изменений климата. Согласно последним исследованиям, объективно существующие климатические эпохи характеризуются не столько средними климатическими условиями, сколько частотой экстремумов, соединенных в группы с вероятностью большей, чем в случайном процессе¹. Но ведь именно частота экстремумов решающим образом влияет на условия жизни людей и их хозяйство. Следует заметить, что в своем фактическом анализе автор не декларирует след за первоисточниками идею о правильной цикличности. Он просто анализирует фактические смены климатических эпох и их последствия.

Арктика — оптимальный полигон для историко-экологических исследований, поскольку, во-первых, среда здесь наиболее чувствительна к колебаниям климата и, во-вторых, сам климат здесь наиболее изменчив. По этим показателям в сравнении с Арктикой может быть поставлена лишь граница пустыни со степью с ее огромными колебаниями за историческое время. Не случайно поэтому, что именно проблемам этой границы были посвящены первые этноэкологические работы в нашей стране, прежде всего исследования Л. С. Берга и Л. Н. Гумилева. Рецензируемая книга весомо пополняет отечественную этноэкологию, поднимая проблему освоения человечеством Арктики как проблему, равнозначную освоению Великой степи.

В главе «Арктическая этноэкология и история первобытного общества» автор реконструирует систему жизнеобеспечения охотников на крупных животных на приледниковых равнинах Евразии в эпоху верхнего палеолита. Он подвергает критике распространенную модель экосистемного гомеостаза, предполагающую для этих обществ сознательное соблюдение демографической стабильности и самоограничение в соответствии с «предельной емкостью» своей среды обитания. Автор отстаивает динамичную модель с периодическим увеличением и падением численности населения и сменой способов хозяйственно-экологической адаптации. «тип экологического поведения, направленный на постоянное расширенное воспроизводство человеческих коллективов и объективно толкавший к нарушению равновесия с окружающей средой» (с. 226).

Модель И. И. Крупника находит подтверждение не только в материалах «арктической этноэкологии»: она, очевидно, имеет и более широкое применение. При реконструкциях колебаний численности большинства древних обществ, обеспеченных более полной демографической и исторической информацией, мы также видим не монотонный прирост или спад, а постоянную пульсацию численности населения, которая обуславливается теснейшим переплетением исторических и экологических событий, таких, как засухи, голод, эпидемии, войны, переселения народов и т. п.²

При чтении «Арктической этноэкологии» не покидает впечатление, что так же как небольшие народы — эскимосы соединяет два крупнейших континента, так и исследование И. И. Крупника соединяет две взаимодополняющие научные традиции в изучении аборигенов Арктики: советскую и американскую. В книге аккумулирован и критически проанализирован громадный объем факти-

ческих данных, накопленных русской и советской наукой, в том числе и принципиально важные результаты полевых исследований самого автора. Однако многие теоретические установки, структура справочного аппарата показывают, что книгу И. И. Крупника нельзя рассматривать вне традиций, определивших развитие этнолого-археологических исследований по ту сторону Берингова пролива.

Последние четверть века характеризовались бесспорным господством в американской научной литературе, посвященной современным арктическим охотникам-собираателям, как и их доисторическим предшественникам, эколого-адапационистского подхода. В рамках этого научного направления важнейшее значение в развитии общества и формировании их типологического разнообразия отводилось процессу взаимодействия (адаптации) общества и внешней среды — природной и социальной. Такой подход подвергался критике, особенно в 80-е годы¹ из-за того, что он не учитывает «внутренние», имманентные факторы развития общества. Спектр последних весьма широк: от марксистского учения о борьбе социальных классов и групп до представления о пассионарной энергии этноса, сформулированного Л. Н. Гумилевым.

Признавая справедливость этой критики, нужно отметить, что выявление и качественно-количественное описание «внутренних» факторов общественного развития крайне сложно, в то время как такое описание «внешних» факторов вполне возможно и особенно ценно тем, что в результате резко расширяется круг источников исследования, и в ряде случаев появляются независимые системы доказательств, базирующихся на разнородных типах источников (географических, биологических, этнографических, демографических и т. д.). Это позволяет верифицировать гипотезы как кажется, с большей достоверностью.

«Арктическая этноэкология» И. И. Крупника демонстрирует успешный пример реализации подобного подхода. Автором создан ряд систем независимых доказательств и в том числе количественные модели, позволившие увидеть арктические этносы не в гомеостазе, а в пульсирующем развитии и приблизиться, видимо, к максимально возможному историзму при описании бесписьменных народов.

Результаты, полученные И. И. Крупником, важны и для разработки актуальных народно-хозяйственных проблем региона, о чем пишет сам автор в заключении: «Монопольное индустриальное освоение Севера не имеет прочного будущего... чтобы обеспечить стабильное заселение Севера, здесь обязательно должны быть сохранены альтернативные хозяйственные модели — аборигенные и коммерческие формы природопользования» (с. 232).

Книга И. И. Крупника может стать основой для понимания истории и современных перспектив включения традиционных арктических этноэкосистем в глобальную хозяйственную систему. Крайне необходимая широкому кругу ученых и практиков она должна быть учтена при создании нового законодательства, регулирующего экономические и межнациональные отношения в Арктике.

А. Н. Кренке, О. А. Мурашко

Примечания

¹ Кренке А. Н., Золотокрылин А. Н., Фогель Г. А. Характер изменений климата Европы в историческом прошлом // Докл. АН СССР. 1988. Т. 302. № 4. С. 819—822.

² Hollingsworth T. H. Historical Demography. London, 1969.

³ Archaeological Thought in America / C. C. Lamberg-Karlovsky. Cambridge, 1989.

© 1990 г.

И. И. Крупник. Арктическая этноэкология. Модели традиционного природопользования морских охотников и оленеводов Северной Евразии.

Несколько запоздавшее развитие новой для советской науки дисциплины — этнической экологии — идет довольно успешно, число публикаций по этой тематике множится, но и на этом фоне появление книги И. И. Крупника представляет собой, несомненно, заметное событие. Внимание к ней усиливается тем, что целью автора является не просто изложение и анализ собранного им материала, но основание отдельной субдисциплины — «арктической этноэкологии» (в заключении книги она названа даже «наукой» — с. 229, но с этим трудно согласиться). Читателю предлагается произведение, которое должно раскрыть сущность «арктической этноэкологии», а также вооружить научных работников, желающих заниматься такой субдисциплиной, необходимым для этого теоретическим багажом и практическими приемами исследования.

Отмечу сразу же, что рецензируемую работу легко хвалить и трудно должным образом оценить. Ее можно хвалить за оригинальность замысла, за большой собранный автором фактический материал и его своеобразную «моделирующую» обработку для показа некоторых важных сторон жизнеобеспечения отдельных народов Севера, а также за хороший стиль изложения. Ее трудно оценить, как и каждую оригинальную работу, не имеющую в советской литературе прямых аналогов, которые могут быть использованы для сравнения; в значительной степени это, правда, обусловлено и использованием автором особой этноэкологической терминологии, почти не применявшейся ранее советскими авторами. работ по традиционному хозяйству, природо-